Фань Юйсу

Я — ФАНЬ ЮЙСУ[2]

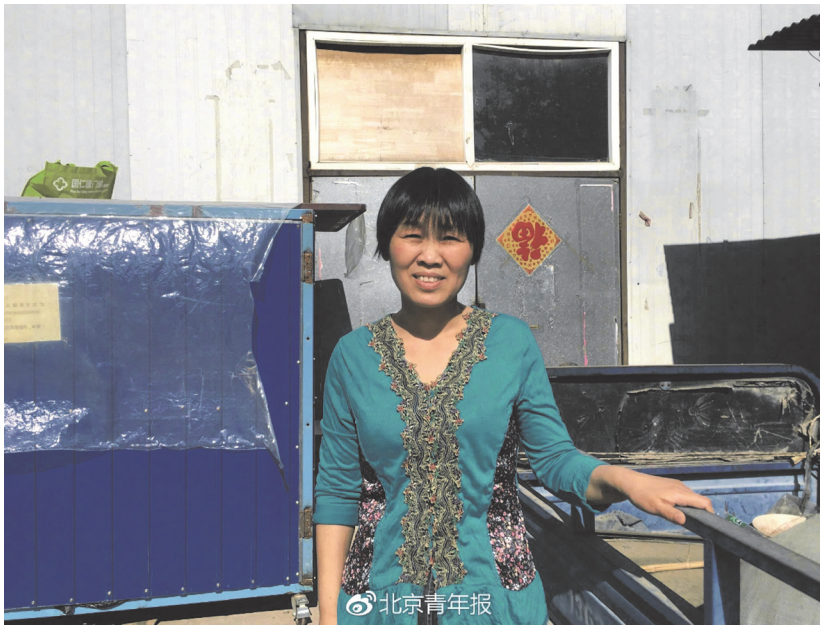

Рис. 1. Фань Юйсу, 2017 г.

Моя жизнь — книга, которую нет сил прочесть до конца, а судьба обернула в невероятно уродливую обложку. Я из Сянъяна провинции Хубэй, в 12 лет начала работать учителем младших классов у себя на родине, мне платили односельчане. Если бы я не уехала из родных мест и продолжала работать, то смогла бы стать официальным государственным учителем. Но монотонная деревенская жизнь как у лягушки на дне колодца стала непереносима, я уехала в Пекин. Я хотела увидеть мир. Мне было 20 лет.

[2] Перевод с китайского Е.А. Завидовской выполнен по тексту эссе, размещенному на портале Chinadigitaltimes. URL: https://chinadigitaltimes.net/chinese/557559.html (дата обращения: 03.09.2026).

В Пекине дела не заладились из-за моей нерадивости, нерасторопности и глупости. Люди управлялись с работой за полчаса, я же и за три часа не могла все доделать. Руки у меня неловкие, не то, что у остальных. Работая в ресторане официанткой, неся блюдо, я могла вздрогнуть, споткнуться и опрокинуть блюдо на пол. А заработанного хватало лишь на то, чтобы не помереть с голоду.

Проболтавшись в Пекине два года, я ощущала себя человеком, который так и не увидел проблесков чего-то прекрасного. Уж лучше выйти за человека с северо-востока. Толком не подумав, я выдала себя замуж.

За короткие пять-шесть лет замужества родила двоих дочерей. У отца детей бизнес шел все хуже, каждый день он был пьян и избивал нас. Я не могла больше выносить домашнее насилие и решила вернуться с двумя детьми на родину в Сянъян. Тот мужчина нас не разыскивал. Потом я узнала, что он из Маньчжурии поехал в Россию, и сейчас наверно пьяный валяется где-нибудь на улице Москвы.

Дома я сообщила матери, что теперь буду самостоятельно растить двух дочерей.

В детстве мы со второй старшей сестрой читали книги, лежа на одной кровати валетом. Когда глаза от чтения уставали, мы начинали болтать о том о сем. Я спрашивала сестру:

— Мы прочитали бесчисленное количество биографий великих людей, история какого известного человека вызывает у тебя наибольшее доверие?

— Известных людей из книг своими глазами не увидишь и не потрогаешь, я ни в одну из этих историй не верю. Верю только в нашего второго брата.

В душе я не могла согласиться с ее словами. Ну да, знаменитых людей из книг не увидишь и не потрогаешь. Но человеком из нашей жизни, который был зрим и осязаем и которому я полностью доверяла, была наша мать. А второй брат был не более чем вундеркиндом.

Мою мать звали Чжан Сяньчжи, она родилась 20 июля 1936 года. Когда ей было 14 лет, она уже умела складно говорить, помогала улаживать споры, народ выбрал ее главой женщин. Она начала эту работу в 1950 году и проработала сорок лет, это дольше, чем время пребывания у власти таких суровых мужчин, как Саддам и Каддафи. Но не это было причиной, почему я полностью доверялась своей матери.

Когда матери было всего несколько лет, дед просватал ее к соседу из дома рядом, он стал моим отцом. Благодаря этому мать потом могла оказывать помощь своему брату, моему дяде. Отец мой в молодости был одаренным человеком, чуждым мирской суеты. Но в отношениях между родителями было мало хорошего, они каждый день ругались.

В те времена, о которых я уже хоть что-то помню, отец мне представлялся тенью большого дерева, которую видишь, но проку от которой никакого. Отец всегда молчал, был слаб здоровьем, не мог выполнять физическую работу. Все пятеро малюток были полностью на плечах матери.

Моя мать была деревенской женщиной, родившейся еще в треклятом старом обществе, она не проучилась и дня. Но имена всем пятерым детям подбирала именно она. Старшему сыну она подобрала имя Фань Юнь (Фань Облако), второму сыну — Фань Фэй (Фань Летящий), надеясь, что они станут «фениксом и драконом среди людей», вознесутся в заоблачные выси благодаря таланту. С подбором имен для нас, троих сестер, она особо не старалась. Самую старшую сестру назвала Фань Гуйжэнь (Фань Коричное дерево), вторая сестра родилась в сезон цветения сливы, и назвать ее должны были Фань Мэйжэнь, но это имя созвучно слову «бедолага», что не принесло бы удачу. Мама назвала ее Фань Мэйхуа (Фань Цветок сливы). Я была самой младшей, родилась в сезон цветения хризантем, мама дала мне имя Фань Цзюйжэнь (Фань Хризантема). В возрасте 12 лет прочитав самый популярный тогда роман «Моросящий дождь», написанный тетушкой Цюн Яо[3], я проявила самоуправство и сменила имя на «Фань Юйсу».

Второй старший брат сызмальства стремился к учебе, но был неудачлив. Ночами не спал, а все учился, сдавал экзамены, но не поступил в университет, через год снова сдавал, но опять не поступил. Старший брат, рассердившись, заявил: «Ты хочешь сбежать из деревни, сдав экзамены в вуз?!» Сам он хотел убежать из деревни, став литератором. Наша семья была очень бедной, обе старшие сестры были с инвалидностью, годами ходили по врачам, в доме шаром покати. Но старший брат желал стать писателем, а чтобы стать писателем, нужно вкладываться. Рис, что был дома, старший брат продал, а вырученные деньги обменял на литературные журналы и известную классику. Когда не стало риса,

[3] Цюн Яо (琼瑶, 1938–2024) — тайваньская писательница, была очень популярна в Китае 1980-х гг., роман «Моросящий дождь» 烟雨濛濛 опубликован в 1964 г.

мы всей семьей питались бататом. Очень повезло, что ни одна из пятерых малявок у матери не умерла с голоду и не стала духом, ждущим перерождения, никто не посмел пожаловаться, что батат противный на вкус.

Старший брат много лет и читал, и писал, но писателем так и не стал. От него, правда, стал исходить дух начитанности и культуры, внешне он был неопрятен, но сыпал всякими «иже» и «аки паки». Таких как он в деревне называли «напившимися учености», он был точь-в-точь как герой господина Лу Синя по имени Кун Ицзи, таких людей презирают.

Но брата от Кун Ицзи отличало то, что у него была смелая мать. Именно благодаря матери никто не бросал на брата уничижительные взгляды.

Мать обладала даром красноречия, казалось, что ее острый язык свернет горы. Она долгое время работала свахой, у нас в Сянъяне ее называли «Красный листик»[4]. За работу «красным листиком» она не брала ни копейки, просто делала доброе дело, на современном языке это можно назвать волонтерством. В 80-е годы прошлого века в каждой деревенской семье было по многу детей, юноша вырастал и должен был жениться, девушка вырастала и должна была выйти замуж. А потому мать была нарасхват.

Старший брат так и не стал писателем, так и не вырвался из деревни, но это еще ничего. А вот то, что брату надо было жениться, стало большой проблемой. Человека такого типа, как брат, в деревне обзывали «сумасшедшим литератором», о жене договориться было трудно. Но у нас была лихая мать, уж она и черное могла выдать за белое, недостатки могла выставить как достоинства. Благодаря непоколебимому авторитету матери в нашей нищей семье появилась скромная невестка, нежная, как цветок весенней акации.

Но после женитьбы старший брат оставался косным ретроградом. Он заявил матери, что мелкий сельский чиновник — это тоже часть коррупционной системы, и он хочет, чтобы мать перестала быть сельской чиновницей, якобы это потеря лица. Тогда я была еще маленькой, но уже понимала, что брат говорит забавные вещи: где это видано, чтобы коррумпированный чиновник питался одним бататом.

[4] Так говорят о брачном посреднике, свате; по легенде девушка написала стихотворение на красном листе и бросила его в канал; течение принесло лист молодому человеку; тот отыскал автора стихотворения и сделал её своей невестой.

Но мать, ничего не сказав, уволилась с должности сельского чиновника, которую занимала сорок лет.

Когда старшей сестре было пять месяцев, у нее поднялся сильный жар и начался менингит. Транспорт тогда был развит плохо, мать попросила своего брата, который быстро бегал, отнести сестру в больницу китайской медицины, которая была в сорока километрах от Сянъяна. Удалось положить ее в больницу, болезнь полностью не вылечили. Жар у сестры прошел, но она осталась умственно отсталой.

По словам матери, старшей сестре кололи слишком сильные лекарства, и у нее случилась интоксикация.

Старшая сестра стала дурочкой, но мать не сдавалась. Она верила, что сможет изменить эту ситуацию, она верила в западную и в китайскую медицину, верила знахарям, хваталась за любую возможность. Часто к нам домой приходили люди и приносили весть о том, что в каком-то месте человек стал бессмертным или обрел божественную силу. Мать просила, чтобы отец со старшей сестрой поехали туда за талисманом или освященной водой. Привезенные талисманы сжигали, пепел добавляли в воду, давали сестре выпить. Надежду сменяло разочарование. Но мать никогда не бросала попыток.

Полиомиелит второй сестры лечили до 12 лет, после того как ноги прооперировали, она постепенно пошла на поправку.

Мать родила пятерых малявок, но ни на одном не экономила своих душевных сил.

Я была единственным здоровым ребенком у матери, которого она родила почти в сорок лет. Все мое детство мать была занята и не обращала на меня внимания. В шесть-семь лет я сама научилась читать. Тут особо нечем гордиться, моя вторая сестра и двоюродная сестра могли прочесть толстенные кирпичи. В детстве единственный раз, что я была горда собой, это когда в восемь лет осилила «Путешествие на запад», написанное полными иероглифами, размещенными на странице по вертикали. Никто этого не обнаружил, и никто не похвалил. Я сама тихо гордилась собой.

В том возрасте я легко заносилась. Успехи в учебе у меня были лучшими в классе. На уроках я никогда не слушала, а прокручивала и перекраивала в уме прочитанные ранее книги. Роман «Месяц сушеной сливы»[5] я прокрутила в уме тысячу раз.

[5] «Месяц сушеной сливы» 梅腊月 — роман Чжоу Сяочуана 周肖创 1985 г.

В школьные годы в литературных журналах публиковали в основном литературу «образованной молодежи»[6], которая учила только как ездить на поезде зайцем, воровать у односельчан зелень, рвать у односельчан плоды, бить дворовых собак, тушить собачье мясо и другим выходкам.

Читая эти произведения, я осознавала, какое же это счастье, что за один прием пищи ты можешь сгрызть два батата. Не надо воровать, не надо грабить, тебя никто не бьет, а у тебя есть два батата, да еще и свободное время для чтения. Став подростком, я пришла к пониманию одной вещи: если человек не ощущает удовлетворения и радости в жизни, значит, он читал слишком мало романов.

Я читала не только литературу «образованной молодежи», но также «Приключения Робинзона Крузо», «Таинственный остров», «Большие надежды», «Оливера Твиста», «В людях», «Историю дядюшки Лэй Фэна», «Песнь Оуян Хая», «Светлый путь». Благодаря чтению книг я стала разбираться в географии и истории Китая и всего мира. Можно было сказать мне название какого-то места, и я знала, на каком континенте оно расположено. Назвать реку — и я могла ответить, в какой океан она впадает.

Мне исполнилось 12 лет, и меня словно распирало изнутри какое-то необоримое желание. Сидя в комнате, я написала на белом листе бумаги слова — «обойти босиком весь свет». Когда мне было 12, во время летних каникул я, не попрощавшись ни с кем, отправилась на юг посмотреть мир.

Я решила ехать на юг потому, что в одном журнале за 1982 год прочитала такую историю. В Пекине жила одна добрая женщина, которая забирала себе беспризорников. Она взяла к себе одного бродяжничавшего ребенка, который зимой спал внутри бетонной трубы, у него оказались отморожены ноги, их ампутировали. Эта история произвела на меня неизгладимое впечатление, я понимала, что если отправлюсь скитаться в Пекин, то могу отморозить там ноги.

Освоив семьдесят два трюка из литературы «образованной молодежи», я смогла без билета доехать до острова Хайнань. Там круглый год лето, и цветут цветы. Вдоль дорог растут папайя и кокосы. Можно есть папайю и пить кокосовое молоко. Я до тошноты объелась фруктов, их я

[6] Литература «образованной молодежи» (知青 *чжицин*) — направление литературы 1980-х гг., авторы которой были городской молодежью, отправленной в годы «Культурной революции» в деревню на перевоспитание.

находила в ведрах с отбросами. Главные герои романов все так и живут. У меня были короткие волосы, замызганное лицо, точь-в-точь у мальчишки-беспризорника, на которого никто не обращает внимания. Торговцы людьми не могли определить мой пол, а потому не заприметили меня.

Но и такая жизнь приедается. Нет учебы в школе, нет книг и нет матери. Я проскиталась на Хайнане три месяца и решила податься назад домой. Назад ехала зайцем, вернулась в родные места, вернулась к матери.

По возвращении только мать посмотрела на меня милостиво, отец и старший брат возненавидели меня до мозга костей, говорили, что я потеряла их лицо. В деревне старшие родственники обратились к матери, говоря, что я потеряла лицо всего рода Фань, и мать должна избить и выгнать меня.

В тот момент я, двенадцатилетняя, словно очнулась ото сна. В сянъянской деревне хлопцы могли уйти из дома на несколько дней и вернуться, это было нормально, но если девка уходила из дома, то это было сродни преступлению из классического романа, когда тайно сбегали с женихом. В нашей деревне девочки никогда так не поступали. Самовольно уйдя из дома, я превратилась в человека с подмоченной репутацией, бросившего тень на родных.

Теперь я не могла смотреть в глаза людям, стыдно было ходить в школу. Но самое главное — у меня теперь не осталось мужества скитаться. Как жить дальше? Продолжать жить — это жесткий принцип.

Мать от меня не отказалась. К этому времени мой второй брат-вундеркинд уже окончил училище, обладая «двойным даром» умственного и эмоционального интеллекта, стал чиновником. По команде матери брат-вундеркинд подыскал мне, двенадцатилетней, работу «народного учителя», чтобы я преподавала в захолустной школе и угомонилась.

Время еле тянулось, и вот в мгновение ока все дети у матери стали совершеннолетними. Мать двадцать лет неустанно вымаливала у врачей лекарство для старшей сестры, но болезнь ее так и не прошла. Когда сестре было двадцать, у нее случился жар, медицина не помогла, и она умерла.

Когда вторая сестра выросла, она стала учителем китайского языка в сельской средней школе. Она преподавала в школе, а ее одаренный молодой человек уехал в Шанхай в поисках лучшей жизни. Сестра, у которой в мозгу как на карте памяти были сохранены тысячи древних стихов, с ненавистью сказала: «Поэтичен лишь тот, кто не знает ни одного иероглифа». Она наша себе неграмотного мужчину, который никогда не учился, и наспех вышла за него.

Старший брат продолжал работать в поле, мотыга, заступ и лопата разбили вдребезги его мечту стать писателем. Теперь он только работал в поле, жил горькой монотонной жизнью. Больше не чесал в затылке, вознося вопросы к небу, вздыхая в стихах о превратностях судьбы.

Добившийся больших успехов в юности второй брат в сорок лет пристрастился к азартным играм. Если на чиновничьем поприще ему слишком везло, то в казино его сопровождало одно слово — «проигрыш». Проигрывая деньги, брат брал кредиты под высокий процент. Очень скоро уже не мог расплатиться по долгам. Он каждый день то ликовал, то занимал, то скрывался, то прятался от кредиторов. С должности тоже слетел.

Люди непостоянны, у брата не осталось ни друзей, ни родных. Темной ночью бродил он по Второму мосту через реку Ханьцзян. В это время появилась мать, она увещевала и утешала брата. Она говорила, что ее сорокалетний сын — хороший мальчик. Он не виноват, это его друзья-чиновники научили его плохому.

Мать говорила, что виновата перед братом в том, что, когда он был маленьким, не позволила ему проучиться еще один год. Если бы он проучился еще год, то поступил был в университет в городе, стал бы городским чиновником, у чиновников в городе уровень воспитания и образования выше, они бы не научили второго брата дурному. Мать говорила: пока жив человек, долги не сгинут, нечего тут бояться, надо продолжать жить. Поддерживаемый материнской любовью второй брат находил в себе волю жить дальше.

Я ушла от пьяницы мужа, который меня избивал, и вернулась в Сянъян с двумя дочерями. Мать не выказала удивления, лишь сказала, понурив голову: «Не бойся». Но старший брат тут же отшатнулся от меня как от прокаженной и потребовал, чтобы я немедленно ехала назад и не доставляла ему неприятностей.

В соответствии с традициями Сянъяна выросшая дочь — это выплеснутая вода, у матери нет права ей помогать. Даже всегда следовавшая политике силы мать не могла выступить против «трех устоев и пяти незыблемых правил», история которых насчитывает пять тысяч лет. Любящая меня мать говорила, что ее старшее дитё не училось, не надо обижаться, она каждый день будет молить небо помочь мне найти средства к существованию.

Тогда я поняла, что у меня больше нет семьи. Мы — нищие деревенские люди, прокормиться и то непросто, вот и родственные узы весьма слабые. Я не жаловалась на старшего брата, я поняла, что являюсь проходящим гостем, которого деревня произвела на свет и вырастила. А двое моих детей и подавно как плавающие в воде водоросли без корней. На всем белом свете нас любила только мать.

Я с двумя детьми вернулась в Пекин, работала няней, присматривала за чужими детьми, у меня был один выходной день в неделю. Старшая дочь присматривала за младшей в съемном жилище в деревне Пицунь за Пятым транспортным кольцом. Мне повезло: семья, где я работала няней, входила в список «Хужунь» самых богатых людей Китая. У хозяина было уже двое взрослых детей. Я присматривала за младенцем неофициальной супруги хозяина.

У хозяина с ней родились сын и дочь. Старший сын был в международной школе, младшей дочери было три месяца. Хозяин нанял для сына тренера по ушу, окончившего школу боевых искусств в Шаолине, выстроил офисное здание, внутри которого была площадка в триста квадратных метров. Там были акробатические снаряды, мешки с песком, брусья… все это в распоряжении у одного сына младшей жены. Кроме обучения боевым искусствам был нанят домашний учитель, с отличием окончивший Университет Жэньминь. Он был на полном пансионе, отвечал за встречу и проводы ребенка, следил за его уроками, направлял его занятия ушу, обучал шестилетнего ребенка программированию.

Я отвечала только за трехмесячную девочку. У малышки был нестабильный сон, она часто просыпалась среди ночи. Я вставала, чтобы дать ребенку смесь и убаюкать. В это время я вспоминала о двух своих дочерях в деревне Пицунь. Ночью, когда рядом нет мамы, им могут сниться кошмары? Могут они заплакать? Думаю про это, а из глаз текут слезы. Благо среди ночи меня никто не видел.

Хозяйка была младше хозяина на 25 лет. Иногда, когда я вставала среди ночи покачать младенца, видела хозяйку в утонченном макияже, сидящей на диване в ожидании мужа. Фигура у хозяйки была лучше, чем у модели, а лицом она была краше этой кинозвезды… как ее там — Фань Бинбин. Она напоминала героиню сериала о дворцовых интригах, всячески ластилась к хозяину, будто просила милостыню, попирая свое достоинство. В прежние годы она уже много натерпелась, теперь не тратила силы на ненужную борьбу.

В такие моменты мне казалось, будто я оказалась во сне, было непонятно, живу ли я в годы расцвета Тан, при Великой Цин или в новом социалистическом Китае. Но я вроде не наделена особыми способностями и не умею путешествовать во времени!

У моей старшей дочери появились две подруги ее лет, которые не посещали школу. Одну звали Дин Цзяньпин, другую — Ли Цзинни. Дин Цзяньпин приехала из Тяньшуя провинции Ганьсу, она не ходила в школу, так как мама бросила папу, папа был рассержен. Папа говорил, что государственная школа не принимает на учебу детей трудовых мигрантов из деревни, учиться можно только в школе для мигрантов, в такой школе за четверть поменялось несколько учителей, качество образования плохое. Ничему толком не научишься, так уж лучше сэкономить деньги.

Ли Цзинни не ходила в школу потому, что у ее папы дома были жена и дети, он обманул маму Ли Цзинни, и так она появилась на свет. Когда мама Ли Цзинни обнаружила обман, то разозлилась и ушла. Ей была не нужна дочь, папа был добрым человеком, он не бросил девочку. Но папа говорил, что Ли Цзинни — «серый ребенок» без прописки, школы для мигрантов в городах — это незаконные школы, у которых нет разрешения на работу. Малявки там учатся, но их учеба не регистрируется в министерстве образования, вернувшись домой, они не могут перейти на среднюю ступень и сдавать экзамены в вуз. Ли Цзинни — серый человек, нет необходимости ей ходить в эту серую школу, выходит «двойная серость». Я же про себя думала: что ж за несчастное министерство образования, кто утвердил такую жестокую политику по отношению к детям из деревень? В газетах пишут, что министерство так поступает, чтобы не позволить школам предоставлять ложные данные о количестве учеников с целью получения больших ассигнований на школьников. Ну почему министерство образования не действует в таких случаях через суд, почему обязательно надо мучать приехавших из деревни детей?

Благодаря молитвам моей матери, обращенным к небу, мои дочери росли здоровыми. Трое детей постарше смотрели за одним ребенком помладше, это было легко и просто, каждый день все у них было прекрасно. Двое детей каждый день пели младшей дочери такую песню: «Наша Родина — это цветущий сад, цветы в саду такие яркие»[7]. Пели до полного восторга, играли с неимоверной радостью.

[7] Строка из патриотической детской песни в синьцзян-уйгурском стиле с названием «Вахаха», адаптированной в 1956 г. Ши Фу.

Деревня Пицунь, где я жила, — это интересное место со своеобразным колоритом. В Китае все знают, что обладатели сельской прописки, живущие в пригородах Пекина, это богачи. Их недвижимость стоит бешеных денег. Богачи, желая показать свое богатство, хвастают машинами и часами, хвастают сумочками, одеждой и едой. Народным массам из Пицунь неведомы подобные способы хвастовства. Мы хвастаем друг перед другом собаками, у кого больше собак. Мой товарищ рабочий по имени Го Фулай, с которым я познакомилась в Пицунь, приехал из уезда Уцяо провинции Хэбэй. В Пицунь он работал строителем, жил в палатке. Один житель деревни Пицунь каждый день выводил боевую упряжку из двенадцати собак, чтобы «проинспектировать» палатки рабочих, поиздеваться над живущими там трудовыми мигрантами. Го Фулай написал хладнокровную повесть «Записки о собаках Пицуня», которая была опубликована в журнале «Пекинская литература»[8], в ней он выразил мысли и чувства свои и своих товарищей.

Сдававший мне жилье хозяин в прошлом был сельским партийным секретарем, почти что президент локального уровня. Хозяин был политиком, обращал ноль внимания на тех, кто держал собак, у него их было всего две. Одна — шотландская колли, вторая — тибетский мастифф. Хозяин говорил, что колли — самая умная собака в мире, а мастифф — самая свирепая. Самая умная и самая свирепая собаки заключили союз, во всем мире с ними никто не смог бы тягаться. Мои дети проживали в резиденции неофициального президента, у них были самые лучшие охранники, мы с детьми чувствовали себя в полной безопасности.

После того как старшая дочь научилась читать, я начала ходить на рынки старья в Паньцзяюане и Хэчжуне, на станции утилизация старья, там я купила дочери пятьсот килограммов книг. К чему покупать так много? Причин две: во-первых, в килограммах купить книги можно очень дешево, во-вторых, попавшие на станцию утиля книги оказались совсем новыми, с многих не была снята пластиковая упаковка. Выброшенная книга, которую еще никто не читал, похожа на человека, который никогда хорошо не жил, на такое больно смотреть.

Я раньше не писала никаких сочинений. Сейчас в свободное время пишу ручкой на бумаге роман. В нем я рассказываю о прошлом и на-

[8] Скорее всего, Фань Юйсу неверно указала название повести Го Фулая, настоящее название которой «Собака из палатки рабочих» (*Гунпэн цзи гоу* 工棚记狗), опубликованной в журнале «Пекинская литература» 北京文学.

стоящем людей, которых знаю. Я мало училась, не уверена в себе, пишу для себя. Название для своего романа я уже продумала — «Встреча после долгой разлуки». История в нем не вымышленная, а взятая из жизни. Искусство берет свои истоки в жизни, а жизнь — абсурдна. Для каждого героя моего романа можно найти прототип из жизни. Мне постоянно хочется еще улучшить роман, который пишу для собственного удовольствия.

В течение года я посещала уроки в литературном кружке «Дома рабочих» деревни Пицунь. В том году у меня было для этого свободное время. Чтобы присматривать за младшей дочерью, я нашла в соседней деревне Игэчжуан работу учителя в школе для детей трудовых мигрантов. Зарплата там была низкая, в месяц давали тысячу шестьсот юаней. Позже, когда младшая дочь подросла, могла самостоятельно ходить в школу и возвращаться домой, покупать поесть, я больше не преподавала. Вернулась работать няней, в месяц платили более шести тысяч, но вернуться и навестить дочерей я могла только раз в неделю. Я больше не могла посещать занятия в литературном кружке.

Мне постоянно казалось, что я бесчувственный и слабый человек. Читая газеты, я обычно наспех пробегала глазами по строкам и не вникала в суть. Если бы можно было сложить вместе новости последних десятилетий, то мы бы обнаружили, что до начала переезда крестьян в города на работу, то есть примерно до 1990 года, уровень самоубийств среди крестьянских женщин Китая был самым высоким в мире. Одна поплачет, другая поскандалит, а третья повесится. Когда появилась возможность уехать на заработки, газеты стали писать, что женщины в деревнях перестали кончать жизнь самоубийством. Но появилось такое странное выражение — «деревня без мам». Деревенские женщины больше не кончали собой, они сбегали. В 2000 году я прочла статью с заголовком «Утки-мандаринки чуть что расходятся», которая писала, что браки у рабочих мигрантов, создавших пару вне родных мест, очень некрепкие. Сбежавшие женщины — это как раз женщины в таких браках.

В Пекине, который сродни деревне посреди города, очень много детей мигрантов, у которых нет мамы. Это все потому, что рыбак рыбака видит издалека, подобное тянется к подобному. Две подруги моей старшей дочери как раз были такими детьми. Судьба их очень незавидна. Моя дочь научилась читать вслед за титрами на экране телевизора, она могла прочесть газету или роман. Позднее, когда старшей дочери

уже не надо было присматривать за младшей, в возрасте 14 лет она начала выполнять тяжелую работу. Вынеся немало тягот, она приобрела множество навыков. В этом году ей исполнилось 20 лет, она стала «белым воротничком», получающим 90 тысяч юаней в год. Ее ровесницы Дин Цзяньпин и Ли Цзинни, у которых не было родных, чтобы помолиться небу и попросить у него помощи, стали винтиками на всемирном заводе, терракотовыми фигурками у конвейера, марионетками, которых дергают за веревочки. Все, кто держал кошку или собаку знают, как они охраняют своих детенышей. А ведь люди — это тоже млекопитающие. Женщина, бросившая своего ребенка, живет с кровоточащим сердцем.

За долгие годы заработков я поняла, что не могу доверять людям, общение с кем бы то ни было почти всегда сводилось к кивку головы, иногда страшно было даже поприветствовать человека. Я пыталась излечиться от этого страха, читая книги по психологии, там было сказано, что у меня «социофобия», либо «цивилизационная фобия». Если подобное состояние усугубится, то может перерасти в депрессию. Только любовь может это вылечить, я часто думала о любви матери ко мне, что во всем мире любила меня одна только мать. Каждый день я заставляла себя думать об этом, и моя болезнь не ухудшалась. В этом году мать позвонила мне и сказала, что у нашей производственной бригады изымают землю, там будет строиться станция высокоскоростной железной дороги Чжэнчжоу-Ваньчжоу. Прописка у меня, дочерей и старшего брата была в нашей деревне, была у нас и земля. При изъятии земли за один *му* площади обещали заплатить 22 тысячи юаней, что несправедливо. Глава бригады вывесил объявление, что каждая семья должна направить представителя для защиты прав, что в администрацию надо направить жалобу и бороться за свои права. Старший брат тоже уехал на заработки, представителем нашей семьи могла выступить только мать.

Мать рассказала мне, что она вместе с делегацией борцов за права ездила в администрации поселка, уезда и муниципалитета. Куда бы они ни приехали, всюду их выпихивали молодые ребята-охранники. Главе производственной бригады было 60 лет, он был самым молодым, крепкие парни по охране порядка сломали ему четыре ребра. Матери был 81 год, у молодчика охранника была совесть, не стал ее толкать, а только оттащил в сторону за руку и вывихнул её.

Наша земля была полностью скуплена за 22 тысячи юаней за один *му*. И так-то на душу населения земли было мало, как прокормиться тому меньшинству, которое не уехало на заработки? Никто из власть имущих не желал думать об этом, никто не желал подумать о душе. И так на просторах всей нашей широкой земли, все смирились с судьбой. Как подумаю, что наша 81-летняя мать в зимние холода добивалась правды для своих никчемных детей, из последних сил хлопотала ради них. Мне остается лишь написать об этом здесь, выразить свое раскаяние, что я еще могу сделать? Что еще я могла бы сделать для матери? Она добрый человек. В моем детстве большая часть нашей деревни лезла драться и издевалась над людьми из Цзюньчжоу, поселившимися у нас за домами, им пришлось уехать из-за ремонта водохранилища Даньцзянкоу. Самым известным человеком в Цзюньчжоу был Чэнь Шимэй[9] из сериала, казненный судьей Бао Цинтянем. Сейчас Цзюньчжоу уже ушел под воду. Моя мать как сильный человек, часто требовала прекратить третировать приезжих из Цзюньчжоу. Когда я выросла и поехала в город, чтобы выжить, там я оказалась в числе слабых на самом дне общества. Женщина, которая в деревне была сильной, зачастую терпит ухмылки и притеснение со стороны городских. Я часто думаю: неужели человек испытывает физическое удовольствие от того, что может унижать и притеснять тех, кто слабее его самого? Или это передается генетически? Поняв это, я прониклась идеей: каждый раз, встретив кого-то, в такой же слабой позиции, как сама, я старалась дать этому человеку любовь и уважение.

Что необходимо делать пока живешь? Я человек без возможностей, я такая бедная, что ж я могу сделать! На улицах Пекина обнимаю каждого бродягу-калеку, обнимаю каждого психически больного, обнимая их, я дарю материнскую любовь, благодарю так мать за ее любовь.

Моя старшая дочь сказала, что в ее компании, занимающейся культурными проектами, каждый день выдают бутылку сока. У нее нет привычки пить напитки, после работы она выносит бутылку и отдает ее бездомной бабушке, которая перебирает отбросы в мусорке у входа.

[9] Чэнь Шимэй 陈世美 — герой известной пьесы «Дело о казни драконьей гильотиной», ученый, ослепленный жадностью, который бросил жену и детей и в конце был казнен судьей Бао Цинтянем 包青天 на гильотине в форме головы дракона. По пьесе был снят сериал.